

Под крылом опаленного ангела

Пароходы горят после смерти

Особо разрушительные пожары организуются чаще ночью. Чердак Одесского музея морского флота, уникального историко-технического хранилища отраслевого направления, которому по насыщенности и информативности нет равных в СНГ и Восточной Европе и, надо полагать, уже не будет никогда, дружно занялся во 2-м часу ночи на страстную пятницу 29 апреля 2005 года. Перепуганный до смерти вахтер оповестил директора Петра Петровича Клещевского. Вызвали эмчээсэвцев, так нынче после очередной ведомственной ломки обозначают пожарных. Если поджог все-таки был умышленным, то выглядел он особо дерзко. О локализации пожара не могло быть и речи, это уже было огненное сражение, в котором участвовали до двух десятков расчетов. Если бы не обуздали пламя, то кратность беды возросла бы неизмеримо — вплотную на горке хронически реставрируемое здание оперного театра, а омертвевшие строения, где хозяйничают с десятком подрядчиков, причем только днем, особо беззащитны, через дорогу мэрия, музей древностей, на крыльце которого товарищ Бендер обнимал Зосю Синицкую, — все три объекта памятники архитектуры...

The Mission to Seafarers, Миссия мореплавателей, кстати, тоже единственная на просторах СНГ, пониже от музеев, на Ланжероновском спуске в помещении Портового клуба, славившегося темпераментными вечерами танцев по субботам и знатными драками, которыми танцы регулярно завершались. Уже поутру известие о пожаре взорвало не только весь город. О пожаре, видимо, из телепередачи узнал киевский художник Павел Тараненко, вложивший в музей душу. Тараненко обещал продублировать свой творческий вклад на более высоком уровне.

Капеллан Одесского порта капитан Александр Владимирович Сорокин, несмотря на перенесенный недавно обширный инфаркт, поднялся с одышкой по ступенькам к музею. В парящем от разлитой пожарной воды пепле ковырялись сотрудники, подвижники с учеными степенями, не получавшие в недавно преодоленном государственном забвении зарплаты, но тем не менее, стойчески работавшие. Пауза затянулась на 6 лет. Нашли фигурку Меркурия, радости не было границ, а вот знамя ЧМП не уберегли, оно знаково сгорело. Сорокин заглянул в дворницкую. Спасен-

ные в подсобке часы РОПИТА невозмутимо раскачивали маятник на тонком латунном штоке, отсчитывая уже новую эру, с полным убедительным уничтожением ЧМП, отсчет прервался, морская эпоха располовинилась убедительно на "до" и "после".

— Память выжигают, — подумал капеллан и выдавил из фольги таблетку.

"Остатки воспоминаний о торговом мореплавании вместе с историческим зданием уникального музея оказались под угрозой полного уничтожения, — напишет он в канцелярию Президента. — Символично, что частично сохранившееся древко от сторевшего знамени ЧМП удручает, как завершающее горькое восклицание в конце долгой печальной истории злокозненного упразднения важнейшего инструмента внешней торговли, призванной гарантировать экономическую независимость нашей Украины!"

Ущерб впоследствии цинично оценят в 32 тысячи гривен — такова бросовая цена памяти. Косвенный же ущерб зашкаливает за 15 миллионов гривен.

Сотрудники с болью говорили, что у музея была душа. Это правда, была. Пока дожди через прорехи в крыше заливают наборной паркет, душа в смятении. Правда, директор музея Петр Петрович говорил, что от сырости паркет разбух, и дождевая вода не достигает нижнего цокольного этажа, получается, музей самозащитается.

От пожараща отъезжал десятый по счету самосвал с тленом моряцких воспоминаний.

...Его знали, и потому пропустил в главный зал. Сорокин прошлепал по воде, запрудившей до щиколоток паркет, к макетам. Сквозь дыры в прокопченной кровле плаксиво глядело белесое невыразительное небо. Макеты пароходов под колпаками сгрудились в углу, как будто они стайно сбились на тесной якорной стоянке: "Крестьянин", "Ян Рудзутак", "Товарищ Красин", "Трансбалт", "Петр Великий", дважды "совершавший марш на дно", но героически поднятый эпроновцами и возвращенный к жизни. Обуглился корпус макета трофейного "пассажира", который горел в пятидесятые, огонь уничтожил целые отсеки, переборки были деревянными, в списке погибших пассажиров был китайский маршал, но пароход тогда остался на плаву. Огонь уничтожил иллюзию, макет перестал быть маленьким пароходом, а стал занявшимся поленом, которому не дали догореть. Капеллан нашел в пароходной куче знакомый силуэт. Колпак с макетом "Белоруссии" эмчээсовцы впопыхах наклонили.

— Крен градусов 35, — определил Сорокин наметанным штурманским оком, — как в 92-ом, когда опрокинулся сингапурский док.

Он возвратил свою морскую судьбу на ровный киль.

Катастрофа в сингапурском доке

Теплоход "Белоруссия", работавший в Океании с австралийскими туристами под флагом сиднейской туристской компании, в сентябре 92-го прибыл на плановый ремонт в шип-ярд Сингапура. Туда же рейсовым самолетом "Аэрофлота" прилетел и подменный экипаж. Постановку судна в плавдок затеяли с утра. Когда док поднялся из воды, телемеханик спустился на мокрую еще стапель-палубу, чтобы запечатлеть на камеру полученные в рейсе повреждения корпуса возле ахтерштевня. С водотечностью в рейсе справились, поставив на пробоины цементные ящики, теперь нужно было в заводских условиях приварить надежные и аккуратные латки.

Примерно в семнадцать пароход дрогнул, — как потом выяснилось, несколько "подушек" киль-блоков, на которых угнездили "Белоруссию", продавили понтон, и лайнер завалился сначала на левый борт, потом вроде бы передумал и стал уже основательнее крениться на правый. Раздался тяжелый гулкий грохот. С башни дока рухнули на соседний плавдок два крана. Рабочие-китайцы посыпались в воду, как горох. Крен перевалил за 20 градусов, но не остановился, судно валилось вместе с доком. Старпом "Белоруссии" Александр Сорокин "раскрепился" на ходовом мостике и докладывал капитану о происходящем, прикидывая в уме, сколько осталось до критического угла, когда согласно паспортным характеристикам судно совершит оверкиль, то есть опрокинется.

— Четвертая и пятая палубы затоплены, — докладывал старпом Сорокин.

Теперь уже экипаж сигал в воду с наклонившегося борта, благо прыгать было не шибко высоко. С берегового крана подали "беседку" и стали снимать экипаж, большую часть которого, как и на любом отечественном "пассажире"-рысачке, формируют леди. На борту остался капитан-наставник Олег Григорьевич Сторожев.

Соседний док был притоплен, стоявшие на его башнях краны затормозили на время крен "Белоруссии", пока их один за другим не сорвало. Ошвартованный рядом океанский буксир вовремя снялся, иначе бы досталось и ему.

Экипажи, а их было полтора, основной и уже находившийся на борту подменный, сгрудились на причале, многие пароходные наяды были прикрыты исключительно полотенцами. Пассажиров на борту, понятное дело, не было, прислуга отсыпалась всласть после ненормированной беготни в течение восьми месяцев, потому вскочили по тревоге с коек кто в чем

был. Появившиеся молодые студенты-волонтеры из Сингапурской Mission to Seafarers, Миссии мореплавателей, Патрик и Майкл, стали выгружать из фургончика "гуманитарку": футболки, майки, шорты, комбинезоны, шлепанцы, зубные щетки. Микроавтобус от Армии спасения привез горячий суп в термосах и свежие булочки, но булочки стояли в горле комом. Благотворительность и участие в пожарном порядке наэлектризованный экипаж раздражала.

— Нам не помощь нужна, а компенсация за ущерб, — цедили потерпевшие.

Патрик и Майкл на колючие исподлобные взгляды реагировали чутко, сердечность поумерили, особо не донимали.

Пострадавших можно было понять. Каюты нижних палуб, где размещался экипаж, оказались затопленными, из топливных танков разлился мазут, в радужных разводах плавали чьи-то тапочки, яркие и аппетитные, как бисквит.

Клонился к закату 92-й год. "Белоруссия", как и другие суда ЧМП, по инерции еще бороздила водные пространства под флагом СССР. И продолжалось это примерно с год, соответственно и валютное довольствие, стыдливо обозначавшееся командировочными, было на соответствующем смехотворном уровне. Каждый из оказавшихся на заводском причале Сингапура тяжело проработал восемь или десять месяцев в тропиках, а были и такие, кто по полтора года отмантулил, что-то приобрел "на школу", если на моряцком сленге, то есть для продажи, и сейчас остался в шлепанцах и с полотенцем на плечах. Бедолаг охватило отчаяние, их можно было понять, и волонтеры Майкл и Патрик наверняка догадывались, какой кавардак творится в душах. Именно тогда на причале прошелестел слухок о возможной компенсации ущерба: по 3 тысячи долларов для тех, кто находился в рейсе, и по одной для вновь прибывших. Говорили, что за катастрофу положен страховой полис в размере 4 миллионов долларов, но по грубым прикидочным расчетам этой суммы могло не хватить для компенсации даже в таких скромных размерах. У многих в каютах остались ценные вещи, магнитофоны, видеокамеры, которые тогда были гораздо дороже, чем сейчас.

За несколько дней два мощных плавкрана приподняли лайнер, рабочие откатали воду, и освобожденное из докового плена судно стало на ровный киль. На причал привезли вагончик с удобствами для вахты. Матросы "Белоруссии" охраняли пароход, самих матросов на судно не допускал полицейский — получался перекрестный надзор.

Наконец экипажу разрешили ступить на борт. Комингсы лоснились от разлившегося мазута, пароход пропитали запахи морского разложения, пахло водорослями и гниющими моллюсками. Двери кают почему-то были раскрыты настежь. Вскоре выяснилось, что у многих пропали деньги, золотые вещи, записанные и не записанные в декларациях. Грешили на кого угодно, на китайцев-рабочих, вахту у трапа, даже на комсостав.

— Кто же украл? — судачили в гостиницах "Меридиан" и "Кокпит" (ни в одной из гостиниц Сингапура не нашлось сразу столько вакантных мест, потому расселили в двух) за бутылкой дорогого импортного виски, тоже краденого от отчаяния. Контейнеры с запасами спиртного для ресторана оказались при аварии затопленными на грузовой палубе, незначительная часть горячительных запасов помутнела, потому забраковали всю партию.

Хмельные головы будоражили слухи, что якобы составители списков, среди которых был не только комсостав, а просто расторопные проворные ребята из барменов, дописали себе чувствительный ущерб, что жена одного из пяти капитанов оценила личные убытки в 11 тысяч зеленых. Еще судачили, что от обиды и несправедливости и другие инициативно насочиняли липовый ущерб.

Там же за халявной выпивкой узнавали, что морские представители в Сингапуре якобы из шкурных интересов ангажировали слабосильный док, авось выдержит, что незадолго до "Белоруссии" польское судно перевернулось в доке этой же компании. Об опрокидывании польского судна рабочие-китайцы, конечно же, были наслышаны и осознавали степень реальной опасности, почему так резво и сигналы в воду. Наши же, безлошадные теперь, развивая мысль, предполагали, что калечили "Белоруссию" умышленно, чтобы погубить пароход, "снести бульдозером напрочь надстройку" и нажиться на реконструкции. Кто помнит, тогда многие обрушившиеся каскадом на общество безобразия воспринимались Армагеддоном, обязательные, как казалось, жертвы за "преобразования" не очень настораживали: во-первых, они творились массово, за всеми не уследишь, так в шторм мачты рубят, чтоб корабль остался на плаву, во-вторых, еще не осознавали необратимости разбазаривания и не представляли масштабы последствий. Катастрофа парохода у всех на глазах провоцировала развитие по возрастающей катастрофы духа и морали. Патрик и Майкл больше не показывались, чтобы не получить по пьяной лавочке.

Объявили, что судно отбуксируют в Германию для реконструкции. Перспектива просочиться на длительный ремонт в Германию маячила не для всех. Начальство, пользуясь случаем, неясно обещало взять или поду-

мать, если умерят пыл и скостят размер претензий. Кстати, опережая события, замечу, что реконструкция теплохода "Белоруссия" (он же "Казахстан-2", он же "Дельфин") на "Ллойд-верфи" в Бремерхафене закончилась громкими финансовыми скандалами. Тогда еще не привыкли жить по средствам, стоимость ремонта выглядела для заказчика, агонизирующего ЧМП, неподъемной, открыли уголовные дела, претензии же компании "Ллойд-верфь" приплюсовались к претензиям кредиторов со всего мира и ускорили гибель пароходства. Грабеж шел знатный.

Сорокин столбит миссию

В Сингапуре Александр Сорокин встретился с помощником капеллана сингапурской миссии Томом Хеффером и его сотрудниками, благо что "групповухи", групповые увольнения троек и четверок с доверенными старшими, были уже отменены. Приличное знание английского позволяло общаться без затруднений. Сорокин рассказал сингапурским миссионерам, что еще в 91-м благодаря хлопотам лоцмана сиднейского порта Андрея Бескаравайного пригласил на борт для службы морякам священника Украинской православной церкви в Сиднее Владимира Люльки.

— Для меня уже тогда становилось совершенно ясным, что неудовлетворенные духовные потребности, душевный разлад, что сплошь и рядом случается в длительных рейсах, как раз и есть составляющие пресловутого "человеческого фактора", который является основной причиной аварийности на море, — говорил старпом Сорокин Люльке.

Еще в 91-м, находясь в отпуске и отгулах в родном городе, Сорокин встретился с настоятелем храма святого Петра на Гаванной отцом Тадеушем Хоппе. Отец Тадеуш вспомнил, как по просьбе капитана местные власти еще в 60-е вынуждены были доставить его на внешний рейд на пограничном катере доля отпевания скоропостижно скончавшегося моряка-католика. Отец Тадеуш деликатно выразил робкую надежду, что в будущей часовне св. Николая Чудотворца, которую тогда строили рабочие-католики, кажется, хорваты, по проекту итальянского архитектора, со временем будет экуменический центр по работе с моряками всех наций и исповеданий. К сожалению, надежде отца Тадеуша не суждено было сбыться.

Беседовал Сорокин и с отцом Александром Кравченко, тогдашним настоятелем греческой церкви на Екатерининской. Прекрасно знающий моряков и морскую жизнь и "рассуждающий без сантимов", отец Александр высветил Сорокину самую суть проблемы.

В том же 91-м Сорокин ушел в рейс. При заходе в Пусан (Южная Корея) встретился с капелланом Питером Муни, который посоветовал обратиться за советом в Лондон, к секретарю по работе с капелланами преподобному канонику Ричарду Маклерну.

Встречи с Томом Хеффером в Сингапуре ускорили переговоры с Лондоном. Там же, в сингапурской миссии, Сорокину вручили конверт из Лондона, где его благословляли на капелланство в одесском порту, напутствовали пока с не очень четкими полномочиями. Присматривались к нему в Лондоне лет шесть.

Компенсацию за кораблекрушение в заводской акватории старпом Сорокин получил на общих основаниях, как говорится, не зарывался, но назначения на "выгодный" масштабный ремонт в Германию так и не дождался. По возвращению из Сингапура лег в больницу моряков, откуда убежал в самоволки регистрировать Миссию в Жовтневом суде города Одессы. После выписки с открытым больничным листом "предпринял первые шаги по организации служения морякам в Одессе".

8 декабря 1994 года, в год 200-летия Одессы, город обрел еще одну бесспорно историческую дату. В этот день в Доме ученых состоялась торжественная церемония открытия Миссии в Одессе. Зачитали поздравления от генерального секретаря Международной христианской ассоциации Майкла Чина, генерального секретаря ИТФ, Международного профсоюза транспортников Дэвида Кокрофта, от Генконсула Польской Республики пана Леонюка, от миссий Ватикана, Лондона, Саутгемптона, Нью-Йорка, от главы Департамента международного бюро труда Бьорна Нильсона из Женевы. Началась рутинная работа и "будничное служение", как его обозначает сам капеллан Сорокин, с маленькими победами и горькими поражениями.

— По большому счету и сегодня эти проблемы еще не изжиты, — признается Александр Владимирович.

В начале 1995-го Сорокин и еще один из волонтеров Центра Олег Салимовский были приглашены в США в Институт церкви моряков Нью-Йорка и Нью-Джерси прослушать и усвоить специальную программу для капелланов.

На полуптичьих правах

Часовню святого Архистратига Михаила организовали на третьем этаже навигационной камеры. Обосновывались в довольно смутное и неус-

тойчивое время, когда депрессия особо свирепствовала. Из порта уходили традиционные грузопотоки, сам порт подвергался череде бесконечных проверок строгими комиссиями, выживал, нашаривая свой "третий путь" развития. Как-то летом 1996 года к капеллану Сорокину обратились моряки-филиппинцы с просьбой отслужить на борту мессу. Их судно долго работало в море на постоянном маршруте, конечными пунктами которого были мусульманские порты, и возвращалось на эту же линию, к вечеру следующего дня снимались. Сорокин, понимая, что многие филиппинцы — глубоко верующие католики, принялся хлопотать, но так случилось, что отец Игнатий, ксендз из костела на Екатерининской, уехал в командировку, а отец Тадеуш был нездоров. Пан Ярослав, староста греко-католической общины, посоветовал обратиться к отцу Исидору в Херсоне, что и было сделано. Отец Исидор, оценив ситуацию, "не сказал ни единого слова и выехал в Одессу"... с церковным хором. Нетрудно себе представить, какие пришлось приложить усилия, чтобы убедить охрану и портовых руководителей выписать пропуска в порт, да еще и на иностранное судно. Филиппинцы впервые в жизни "услышали Слово Божье на украинском языке, присутствуя на Литургии Иоанна Златоуста, оценили красочность Византийского обряда Киевской традиции". Сердечно благодарили за духовную поддержку, ушли в рейс просветленными, а хор поддался согреться чайком в неотапливаемое строение навкамеры.

Формально здание, находящееся на усиленно охраняемой территории порта на Деволановской, внутрипортовой улице, продолжало оставаться на балансе ЧМП, злостного неплательщика за коммунальные услуги. Пережили и блокадный период. Навкамере за долги отсекли отопление, а у входа выставили портового вохровца. Штурманы проникали тайком с черного хода по обледеневшей железной лестнице, и на условный стук не сломленные полусадой девочки-картографы отворяли дверь и вручали шкиперам откорректированные навигационные карты Бенгальского залива. Время было нервное. Вот примерно в какой обстановке бился за жизнь или за свой угол в полупустом и полумертвом здании Центр Летящего ангела с его единственной на просторах СНГ мемориальной экуменической часовней. Служители культа тоже проникали если не тайком, как шкиперы, то с превеликим трудом, простаивая за разовыми пропусками в очередях с водителями длинномеров. Случалось, что и просроченные, не продленные пропуска охрана отбирала, выкручивая руки, было... Если на островах Тонга пионеров-миссионеров дикари употребляли на завтрак, то при диком нашем капитализме охрана разжимала пальцы. Тем

не менее, мастера-резчики все-таки проникали на Деволановскую по разовым пропускам и мастерили алтарь. На церемонию освящения прибыл из Лондона преподобный каноник Глин Джонс, капеллан Ее Величества королевы Великобритании — ни много ни мало, он же и генеральный секретарь The Mission to Seafarers, Миссии мореплавателей. На первом этаже работающий на полставки мастер ремонтировал бинокли и секстанты, на верхнем замерзшие девочки корректировали навигационные карты и лощии, а посередине происходила экуменическая служба для моряков всех религий — вот примерно так это выглядело, автор тоже присутствовал на памятной службе.

2-го сентября двое моряков из экипажа теперь уже бывшей "Белоруссии", Елена Голуб и Юрий Подолин, пережившие вместе с Александром Владимировичем сингапурский кошмар, изъявили желание обвенчаться в портовой часовне, что и было исполнено. У них уже подрастали двое ребятшек, и вот супруги решили еще на добрую память обвенчаться, тем более что не были в Центре Летящего ангела посторонними. Золотыми матросскими руками Юрия Подолина сработана едва ли не половина деревянных деталей Миссии, а Лена гладила рушнички, скатерки, подшивала занавески. Неординарное для украинских портов культовое мероприятие вызвало "неадекватную и брутальную реакцию у охраны", возможно, став каплей, переполнившей терпение портовых стражей. Этот неприятный случай попал в прессу, не только местную, но и диаспорную, Северной Америки и Австралии.

И негоже особо ополчаться на портовых управленцев, а тем более на охрану, скомплектованную зачастую из крепких еще ветеранов. Не помещается в сознании рабочего человека свадьба на закрытой территории, а тем более — церковный хор во главе со старостой, нацелившийся на загрансудно. Просьба или нарушение, смотря как на него смотреть, выглядят несколько негабаритно, согласитесь. Вот когда на переломе эпох самосвалами крали с причалов кубинский сахар для производства самой дешевой в мире самогонки, это было явление, доступное пониманию, хотя и позорное, а свадьба, хор, выглядели для них экзотично.

Карманная часовня

В декабре 2001-го здание навигационной камеры, где располагалась труднодоступная для самих миссионеров и волонтеров Миссия, было, наконец, логично передано порту, и новый хозяин репрофилировал его

исключительно для производственных нужд. К чести руководства успешного предприятия миссионеров не выставили за проходную в устоявшихся традициях пережитой Великой Эпохи, не высыпали за проходной с самосвала алтарь с элементами деревянного декора, а даже приютили в автономном качестве, предложив бесхозное помещение в здании портового клуба, расположенного, как известно, в бойком по-морскому месте. Дело в том, что ступеньками Ланжероновского спуска пользуются все без исключения водоплавающие, когда поднимаются из порта в город или возвращаются обратно. Неудобная жизнь на "полуптичьих" правах завершилась масштабным ремонтом, который подтянулся на два с лишним года. Помещение оказалось запущенным, очень сырým. На потолке обнаружили номера "Одесского вестника" за 1890 год. В соседнем дворе располагалась ночлежка, приютившая пензенского гимназиста Александра Гриневского (Грина). Именно отсюда Саша Гриневский отправлялся к Карантинному молу, чтобы тренировать волю, заплывая в штормовое море. Воля же миссионеров была натренирована преодолением КПП на Таможенной площади.

Матрос Юрий Подолин собрал резной алтарь по новому адресу и придумал оригинальный механизм складывающейся часовни. С помощью дощатого двустворчатого экрана алтарь закрывался, а на ограниченном пространстве располагался светский центр со столом для настольного тенниса, кабинками, где моряк может посидеть за компьютером, написать домой письмо или перечитать в береговой обстановке давно полученное письмо от любимой. Совмещение функций было вынужденным.

Светской составляющей бесценно руководит до сих пор Ростислав Инжестойков, директор Центра Летящего ангела, именно так обозначается его официальная должность. Стараниями того же Юры Подолина сооружен декоративный балкончик, построены деревянные ширмы-паншеты на оси с именами погибших или плененных судов: "Адмирал Нахимов", "Умань", "Сальвадор Альенде", "Комсомолец Калмыкии", "Туапсе", с учетом потерь уже в новейшей истории список завершают "Памяти Меркурия" и "Черноморец". На планшетах также фамилии с накладными буквами, "КДП" означает "Капитан дальнего плавания".

Освящение мемориального миссийного центра произошло 4 июля 2003 года. По сути, в Одессе он появился несанкционированно, а инициированный снизу, из морской среды, из рядов плавсостава, как обозначили бы эту выдавленную из отечественного производства категорию раньше, когда на древке еще полоскалось бархатное знамя, еще один клуб для мо-

ряков, пристанище, если хотите, где не будут ломиться в душу с советскими агитками, как топорно практиковалось в показушных интерклубах. Пресловутые интерклубы создавались преимущественно для нас, чтобы пришельцы не успели увидеть изнанку, а Миссия, не очень удобная для многих, как оказалась, создавалась исключительно для них, для гостей, морских пришельцев, чтобы им спокойно, по-домашнему сиделось на табуретках, доверительно, если угодно, чтоб не обижали. В слабо советское время экипажи из братской Индии загоняли в интерклуб на улице Розы Люксембург, это всего в двух кварталах от Миссии, на пионерский шахматный турнир с экипажем парохода из Сомали, тоже тогда братского. После шахматных гамбитов моряки в чалмах, шараясь от назойливых барышень из Канавы, спуска Кангуна, шли дружными рядами "кастрюлить", покупать эмалированные кастрюли и утюги в универмаге, делать свой копеечный моряцкий бизнес.

Уже в новейшей истории, преуспев в обезьяньем равнении строго на Запад, построили или облагородили с помощью западных траншей интерклубы в Измаиле и других географических точках, подтягивались, как говорится, держали строй. Автор угодил на открытие такого европеизированного интертеремка в Измаиле, когда сотрудник секретариата ИТФ с финскими корнями, облачившись в тельняшку, разбивал бутылку с шампанским. Все там выглядело с натяжкой комфортно: номера, унитазы, бильярд-американка и цены за постой, соответственно, на престижном уровне. Правда, неясно, для кого городили. Моряк-дунаец в клуб не пойдет, не тот у него уровень жалованья, а филиппок, так доверительно и ласкательно наши водоплавающие обозначают коллег-филиппинцев, в этот еврорай пойдет с огорчением только в случае крайней нужды, потому что знает счет матросскому центру. Когда самолета надо ждать до утра, скрепя белые зубы вынужден будет проситься, потому что опасается, что на лавочке у вокзала ограбят, еще и изуродуют. Хоть и городили интерклубы нового поколения на западные дотации, но опять же, исключительно для своей выгоды.

А в потешную копилку Сорокина без сожаления, с открытой душой опустят небольшие деньги, когда поговорят по международному телефону с Манилой и когда на душе полегчает. Сюда приходят сами, без путеводителей, молва о Миссии гуляет по материкам, точно так же, как и предостережения землякам о поборах со стороны офицеров одесской таможни. Валюту у иноземцев вымогали за лишнюю копеечную цепочку из драгметалла или за обнаруженные таблетки снотворного — поводов может быть предостаточно. Скитальцы морей по беспроводному "морско-

му телефону" слышаны о жесткой гражданской позиции капеллана Сорокина, она сфокусирована не только на музейных редкостях. Активное сострадание по Сорокину предполагает посильные действия, хлопоты в соответствии с гуманным морским правилом: сильный помогает слабому, но доходят все. Возможно, преувеличивают его полномочия, считают, что он может стреножить местный произвол через лондонские каналы. Так автору, тогда собору "Труда в Украине", пенсионеры жаловались на коммунальные беспорядки, искали защиты. А капеллан Сорокин, недавно выписавшийся из реанимации и начавший после выписки курить, тяжело дыша, превозмогая фантомные боли, сердечно-сосудистые и моральные, шлепал в самый зубастый известный ему морской профсоюз, и виновных офицеров служба внутренней безопасности таможни тихо увольняла в течение нескольких часов по соглашению сторон.

Такое участие поднимает престиж государства, и вклад в работу с моряками не шибко здорового капеллана Сорокина куда весомее, чем натужная работа интерклубов старого и нового поколения вместе взятых.

Или пришла в Миссию мама погибшего моряка. Вышел парень в индийском порту погулять и угодил в сель, погиб, пропал без вести, а посредническая компания отказывается выплачивать пособие, говорят: "А вдруг он сбежал?".

К Сорокину обращался Юрий Е-о, второй помощник теплохода "Роро Имеа", обстрелянного в Новороссийске с пограничных вельботов, причем боевыми снарядами. Список можно продолжать, и он растет, потому что к Сорокину идут, он последняя надежда.

На территории Одесского военного госпиталя № 411, где оперировал Пирогов, восстановлена церковь, где цветут за сеткой ухоженные розы, журчит фонтан и бьют колокола. В тихий час. Пожилых отставных офицеров колокольный звон огорчает. Сорокин не покушается ни на территорию, ни на тишину. Тема эта деликатная, понимаю, но храмы и часовни ударно столбят-ся где ни попадя, вторичное повальное обращение людей к религии тоже зачастую опережает здравый смысл. Кто приходит служить в храмы? Говорят, в Белгороде-Днестровском службу служит командир эскадрильи из Арциза, из того самого авиаполка, которым командовал Александр Руцкой. Пусть служит по зову души пришедший в райцентр майор сверхзвуковой авиации, такая резкая переориентация не в диковинку сейчас, мы не против. Сорокин же пришел к морякам со стороны моря, он кадровый моряк во втором поколении, его батюшка капитанил на "Нахимове", старой "Грузии" и других известных судах. Чтобы осилить ремонт, капеллан продал престижную квар-

тиру в центре, поселился на шумной и пыльной Приморской по соседству с Миссией, а вырученную разницу истратил на ремонт.

Одесская Миссия включена в пространный справочник ICMA, Международной христианской морской организации, в активе которой свыше 800 миссий, порой в самых что ни на есть отшибных портах, включая острова Маврикий и Принсипи. Перед приходом в порт моряк, листая путеводитель, находит адрес миссии и краткое описание услуг. Скажем, Seafarers' House в Лаудердей: волейбольная площадка, киоск (чипсы, печенье, конфеты, бутерброды, парфюмерия), телефон, душ, ночлег не обеспечивается. В Одессе все скромнее, одна комната, стол для тенниса, шесть полубанок, небольшой балкончик, который сработал Юра Подолин в отпуске между рейсами. Еще можно было бы дописать: "Капеллан Сорокин". Сорокин — большое удобство для моряков.

Юра ушел в рейс после затянувшегося отпуска, чувствовалось, что на берегу пересидел, маялся. Сегодня он работает в Мексиканском заливе на лайнере "Айленд эдвенчер" ("Казахстан"). "Остров удовольствий" — плавучее казино, в Нью-Орлеане принимают пассажиров, удаляются миль на сорок от берега, пассажиры просаживают деньги и возвращаются удовлетворенными. Рейс длится часа три, за ночь получается три рейса, для палубной команды такая возня выглядит довольно напряженно: с одной швартовки вернешься, уже пора собираться на новый аврал. Когда случилось наводнение в Новом Орлеане, отец Александр, штатный священник Миссии в Одессе, молился за Юру Подолина.

Базовым портом для "Острова удовольствий" временно стал Хьюстон. Недавно Юра звонил капитану Сорокину из миссии в той самой Лаудердей, где чипсы и душ. Миссию держит семья из Азербайджана — где только нет наших! Юра жив, здоров, справлялся о здоровье капитана Сорокина.

— Все нормально, — ответил Александр Владимирович. — Извини, меня тут на части разрывают. Шесть футов тебе, пиши по электронке.

На части Сорокина не разрывали, просто он не хотел, чтобы Юра тратил деньги. А дело было одно, Александр Владимирович сочинял очередное письмо в Киев.

"Седьмой год подряд во второе воскресенье июля в Одессе отмечают Морское воскресенье, или Sea Sunday, — стучал по клавишам капеллан. — Так случилось, что в Украине с советских времен сохранился профсоюзный День работников морского и речного флота, который отмечается в первое воскресенье июля, т. е. за неделю до Морского воскресенья... С учетом тяжелейшего положения в национальном судоходстве

и исключительной важности для экономической независимости нашей страны развития международных торговых отношений, на 90% обеспечиваемых морским торговым флотом, и практически полным отсутствием квалифицированной и понятной информации о трагическом положении морской отрасли в современной Украине, было бы целесообразно использовать неделю между 1-м и 2-м воскресеньями июля для напоминания о том, каким мощным инструментом торговли располагала наша страна еще совсем недавно.

* * *

Немаловажно и то, что фактически сгинул целый пласт субкультуры, где вся гамма чувств, переживаемых человеком в условиях необыкновенных и замечательных, оживала на страницах литературных произведений. Неужели эта морская жизнь, в которой встречи и прощания имели особое значение, а традиции, приметы, поверья в их переплетении служили основой явления, романтически именуемого маринистикой, угасает окончательно?

Сорокин перечитал текст и к фразе "защита интересов моряков" добавил "и достоинства".

Мы вышли покурить на ступеньки Ланжероновского спуска.

— Меня не будет, а Миссия будет работать, она застолблена, идею обязательно кто-то подхватит, — капеллан поднял со ступенек первую визитку осени — желтый лист тюльпанного дерева. — Обратный ход отработать не решатся.

Пока курили, из Миссии вышел старый знакомец Сорокина, смуглый посетитель с жиденькой бородкой и живыми умными глазами. У меня в кармане лежала его визитка:

**"Gordon Atabelo
seaman A/B motorvessel "ZIM Novorossiysk"**

A/B — матросская квалификация по международным стандартам, буквально "able seaman", то есть матрос 1-го класса. Линейный контейнеровоз "ЗИМ Новороссийск", работающий под флагом израильской компании, посещает Одессу каждую декаду. Хотя стоянки короткие, Гордон тратит их на Миссию, игнорируя городские развлечения, благо до Миссии рукой подать. Он копит деньги на продолжение своего прерванного обучения в университете. Гордон Атабело справился о здоровье капеллана, хлопнул поморяцки смуглой ладошкой по ладони капеллана, сказал: "Бай!" — и побежал по ступенькам вниз к Таможенной площади. На вахту.